

СОВМЕСТНОЕ УПРАВЛЕНИЕ И СОТРУДНИЧЕСТВО В СИСТЕМЕ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ*

Л. В. Сморгунов

Санкт-Петербургский государственный университет

Поступила в редакцию 21 октября 2021 г.

Аннотация: статья посвящена анализу политических и управленческих импликаций включения понятия «публичная власть» в Конституцию Российской Федерации. Политико-управленческим результатом характеристики власти как публичной выступает организация совместного управления на основе сотрудничества. В статье раскрываются основные принципы и механизмы совместного управления, обеспечивающие устойчивую управляемость публичными делами. Особой реализацией идеи совместного управления выступает гражданское участие в нем на основе современных цифровых платформ. Анализируемым примером является организация гражданского участия на российских региональных платформах.

Ключевые слова: публичная власть, Конституция Российской Федерации, совместное управление, сотрудничество, цифровые платформы.

Abstract: the article is devoted to the analysis of political and administrative implications of including the concept of «public power» in the Constitution of the Russian Federation. The political and administrative result of the characterization of power as public is the organization of collaborative governance on the basis of cooperation. The article reveals the basic principles and mechanisms of collaborative governance, ensuring sustainable governability of public affairs. A special implementation of the idea of collaborative governance is civil participation in it on the basis of modern digital platforms. The analyzed example is the organization of civic participation through Russian regional platforms.

Key words: public power, Constitution of the Russian Federation, collaborative governance, cooperation, digital platforms.

Гарантиями, позволяющими обеспечить нормальные условия для союза граждан в современном государстве, выступают ряд факторов и механизмов, обеспеченных современным конституционным развитием. Радикальной формой расширения союза является его конституционное оформление в понятии публичной власти. Нельзя не отметить, что в современных условиях открытость публичного пространства сопровождается формированием системы конституционных возможностей для прямых форм демократического участия граждан во власти и управлении. Цифровизация позволяет восстановить прямые формы активности в условиях кризиса политической репрезентации, предоставляя цифровые платформы для взаимодействия на уровне городов, регионов, страны в целом. Конституционной основой такого расширения выступает введенное в контекст Конституции Российской Федерации понятие «публичная власть». В России имеется значительный пласт политологической, юридической, социологи-

ческой, экономической литературы по проблематике власти, публичной власти и взаимоотношений различных ее уровней с акцентом на недостатках, дисбалансах и тенденциях. Однако конституционные поправки 2020 г. требуют дополнительного пояснения. Особенно это касается вопроса о перспективном расширении институциональной базы для принятия политических решений, включающей также развивающийся институт гражданского вовлечения.

Процессы политической и административной деятельности становятся насыщенными новыми формами и механизмами, которые выводят на первый план такие необычные компоненты для прежних моделей, как общественная экспертиза, общественные форумы, совместные комиссии государственного и частного секторов и т. д. Существуют разные названия этих новых форм участия общественности в процессах выработки политики и принятия решений. Марк Уоррен классифицирует, например, многие из этих событий как «демократизацию, ориентированную на управление» [1, р. 4]. Некоторые ученые используют термин «совместное управление» (collaborative governance): «Совместное управление, как теперь известно, объединяет общественные и частные заинтересованные стороны с государственными уч-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31356.

© Сморгунов Л. В., 2022

реждениями на коллективных форумах для участия в принятии решений, ориентированных на консенсус» [2, р. 543]. Обращая внимание на участие граждан и сотрудничество в публичном управлении, Питер Уокер и Патрик Шеннон дают этому движению название «совместное управление» [3]. Отчасти самостоятельный тренд в современной теории публично-го управления акцентирует внимание на таких характеристиках нового развития, как переход от процесса участия сообщества в политике к принятию решений. В этом направлении разрабатываются концепции «управления через участие сообщества» [4], «сообщество, привлекающее правительство» [5] или «интегрированное публичное управление» [6]. Все же объединяющим термином для всех этих форм выступает «совместное управление».

В российском контексте идея участия граждан в управлении находит выражение в различных подходах. Некоторые исследователи включают в рассмотрение понятие «гражданское участие» [7; 8]. Другие обращают внимание на мобилизованный характер участия, развивая концепцию «гражданского вовлечения» [9; 10]. Большое внимание уделяется изучению общественно-государственного управления и социального партнерства [11], гражданского диалога [12], партисипаторного управления [13]. Самостоятельным разделом выступает участие граждан в управлении посредством использования цифровых технологий [14].

В данной статье обращается внимание на конституционную основу развития теории и практики совместного управления в связи с включением в Конституцию Российской Федерации понятия «публичная власть», а также ее реализацией на ряде цифровых платформ регионального российского управления.

Конституционные основы публичной власти и совместного управления

Еще в 1997 г. Конституционный суд Российской Федерации использовал понятие публичной власти для характеристики деятельности власти в стране. В Постановлении Конституционного суда Российской Федерации от 24 января 1997 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности Закона Удмуртской Республики от 17 апреля 1996 года "О системе органов государственной власти в Удмуртской Республике"» это понятие использовалось в контексте территориального устройства государства как способа организации публичной власти, а также в отношении власти, организуемой на уровне местного самоуправления. «В качестве публичной власти, наиболее приближенной к населению» названо местное самоуправление в Указе Президента Российской Федерации от 15 октября 1999 г. № 1370 «Об утверждении Основных положений государственной политики в области

развития местного самоуправления в Российской Федерации». Таким образом, уже в 1990-е гг. в публично-правовой лексике использовалось понятие публичной власти в качестве особой характеристики органов государственной и муниципальной власти в стране. В многочисленных публикациях 1990-х гг. и первых десятилетий нынешнего столетия развивались идеи публичной власти как системного параметра власти народа, реализуемой в форме государства и местного самоуправления.

Развитие органов государственной власти и местного самоуправления создавало потребность систематизировать конституционное описание публичной власти. Вот почему в своем послании Федеральному собранию в январе 2020 г. Президент Российской Федерации посчитал необходимым закрепить в Конституции принципы единой системы публичной власти, выстроить эффективное взаимодействие между государственными и муниципальными органами. Понятие публичной власти появляется в Федеральном конституционном законе о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». Этим законом вводится, в частности, важное положение о социальном партнерстве и экономической, политической и социальной солидарности (ст. 75.1). В дальнейшем соответствующие конституционные поправки были одобрены Общероссийским голосованием 1 июля 2020 г. Так, сегодня ряд статей Конституции Российской Федерации (п. 1 ст. 67; п. «г» ст. 71; п. 2 ст. 80; п. «е» и п. 5 ст. 83; п. 3 ст. 131) раскрывают различные аспекты организации публичной власти в стране. При этом появляется термин «публичные функции» в ст. 133, посвященной гарантиям местного самоуправления. Таким образом, перед политологами возникает задача политического определения и интерпретации внесенных в Конституцию изменений, касающихся формирования, организации и функционирования единой системы публичной власти в стране. Важным является и понимание того, что вносит нового в политическую жизнь государства и общества в России термин «публичная власть» и прилагательное «публичный» применительно к ее функциям.

Можно утверждать, что публичная власть, основанная на тесном взаимодействии ее органов и граждан, приобретает не только характер единства властных уровней, но и расширение пространства вовлечения граждан в ее осуществление непосредственно и через представительство интересов. Общий источник такого расширения содержится в конституционной статье 3, определяющей, что носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный

народ, который осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления. Пункт 1 ст. 32 Конституции прямо определяет, что граждане Российской Федерации имеют право участвовать в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей. В этом отношении идеи совместного управления, которые составляют сегодня перспективный вектор административных трансформаций, получают дополнительную правовую легитимацию. Само понятие «публичный» применительно к единой системе власти подчеркивает ее открытый характер, нацеленный на реализацию принципов свободы, равноправия, соблюдения прав человека, его достоинства, ответственности и подотчетности. Закономерно, что в Конституции появляются статьи, обязывающие органы государственной власти способствовать вовлечению граждан и их ассоциаций в управление делами общества. В этой связи следует обратить внимание на ст. 114 о полномочиях Правительства Российской Федерации в части осуществления мер по поддержке институтов гражданского общества, в том числе некоммерческих организаций, и обеспечения их участия в выработке и проведении государственной политики. В ней же прямо указывается на необходимость обеспечения реализации принципов социального партнерства в сфере регулирования трудовых и иных непосредственно связанных с ними отношений. Права граждан на участие в публичном управлении также развиваются и устанавливаются другими законами.

Следует отметить, что по мере развития российской конституции ее значение как принципиальной основы политической и публично-управленческой организации жизни в стране возрастает. Факт публичной дискуссии 2020 г. и принятие конституционных поправок свидетельствует о том, что конституция не формальный документ, она обладает большой легитимизирующей силой для политической и управленческой практики. Конституция создает правовую основу для развития структуры политических возможностей, обеспечивающих гражданское вовлечение в публичное управление.

Принцип сотрудничества как основа совместного управления

В последнее время концепции «сотворчества» и «совместного производства» активно использовались в политической науке, государственном управлении, социологии как инновации. Первоначально эта концепция установила новое отношение к предоставлению государственных услуг и была направлена против рыночного подхода к организации этой деятельности. Новое дыхание эта концепция приобрела в развитии движения за цифровое управление. В последние годы концепция «совместного производства»

широко используется при изучении государственной политики в целом. Она расширила понимание цикла государственной политики, затрагивающего проблему политических проектов, управления государственной политикой, совместной разработки и реализации общественных ценностей. Многие исследователи сосредоточили свое внимание на темах, касающихся «управления посредством сотрудничества», «совместного создания» и «совместного производства» публичной политики, которые соответствовали бы устойчивому и инклюзивному развитию.

Сотрудничество и совместное производство в демократической государственной политике означает процессы и ориентации на гражданское участие и концентрацию услуг и действий на граждан, а не государство; доверие в процессе государственной политики; расширение публичных пространств взаимодействия; внимание к коммуникации на основе общественных ценностей и актуальных потребностей; внимание реальной жизни участников совместной публичной политики; привязку процессов публичной политики к контексту вместо представления общих программ; расширение прозрачности и информационно-когнитивной базы принятия публичных решений [15].

Особое внимание следует здесь обратить на концепции «сообщества» и «социального капитала» и их связь с совместным управлением. Считается, что совместное управление возникло как реакция на неудачи в реализации политики и программ на уровне сообщества [16]. Первая концепция определяет значение сообщества как самоуправляемой субстанции. Она находит выражение во многих подходах к совместному публичному управлению, где речь идет о децентрализации, деволуции, сотрудничестве, многоуровневом управлении. Вторая концепция социального капитала делает акцент на сетевом характере взаимодействия с формирующимися структурами взаимности и доверительности [17]. Социальные сети в отношении управления являются, как считается, более эффективными и мобильными. Особое значение придается при этом социальной экологии существования сетей, где неопределенность, угрозы, риски, сложность являются определяющими.

Общими предпосылками подхода к устойчивой управляемости на основе управления через сообщества можно назвать следующие:

- сообщества могут быть объяснены в качестве социальных конструкторов, возникающих в процессе соуправления;
- социальное действие не является индивидуальным актом, а представляет собой «интерсубъективную» структуру, т. е. систему взаимодействий людей;
- хотя люди посредством социального действия добиваются реализации определенных интересов и

целей, однако последние не берутся в качестве само собой разумеющихся исходных оснований деятельности; интересы и цели также формируются и трансформируются в процессах взаимодействия;

– люди в своем взаимодействии выступают как ценностно-рациональные субъекты, ценностная структура которых определяется тем, как люди понимают тот мир, в котором они живут, а социальные факты являются выражением тех ценностей, которые совместно выбирают люди;

– люди соглашаются считать то или иное ценным в результате серии коммуникативных практик, т. е. достигнутого согласия относительно обсуждаемого предмета;

– в процессе коммуникативных практик люди обмениваются идеями и формируют совместное знание, лежащее в основании достигнутого согласия о ценностях; в этом отношении идеи имеют значение и являются конститутивными для социальной реальности.

Система публичного управления через сообщества часто рассматривается в качестве многоуровневой, где общенациональное и местное предстает в некоторой органической взаимосвязи. Способности государства к управлению включают в этой связи и навыки организации новой общественной публичности, способности «вовлечения в публичность». Как раз эти умения и навыки являются чрезвычайно важными в современном государственном управлении, ориентированном на многоуровневое управление, сетевые структуры, сотрудничество и обмен знаниями. Совместное управление рассматривается как такая система публичного управления, которая включает в себя многообразие отношений, акторов, институтов и процессов выработки и реализации решений как в вертикальном, так и в горизонтальном измерениях. Это означает, что в процесс выработки политики включаются множество разноуровневых управленческих структур, а также организаций бизнеса и гражданского общества. Политический процесс усложняется, и здесь особое значение приобретают совместное научение различных акторов по определению того, что является публичными ценностями, лежащими в основе той или иной политики. Совместное управление в теоретическом отношении сочетается с такими концептами, как «сетевое управление», «качественное управление», «менеджмент публичных ценностей». В качестве важного ресурса здесь выступает знание и управление им.

Особое значение коммуникационные компоненты знания имеют для государственного управления, ориентированного на эффективное следование общественному благу и сотрудничество с гражданским обществом. С одной стороны, повышение уровня взаимосвязей между различными государственными

структурами; с другой стороны, невозможность выполнения задач без сетевых структур, включающих гражданские ассоциации и бизнес, увеличивают сложность организации управления. Устойчивая управляемость в этой ситуации может быть достигнута за счет в том числе формирования и институционализации совместных ментальных моделей в процессе научения [18, р. 2], влияющих на процессы разработки, принятия и реализации государственных решений. Доверие к государству возникает на основе совместного знания.

В этом коммуникационном аспекте цифровое управление рассматривается не только средством решения политико-административных целей, но и важным стимулом развития обмена знаниями и роста доверия к государству. Электронное правительство обладает потенциалом для того, чтобы стать одним из главных инструментов адаптации практики коллективно выработанных публичных ценностей в многоуровневой системе управления. Акцент делается не на технической или технологической стороне вопроса, а на том, как новые информационные и коммуникационные технологии изменяют публичное управление, его внутреннюю структуру и отношения с обществом.

Региональные платформы совместного управления в России

Обратим внимание на один из примеров организации совместного управления в России, которое осуществляется в рамках цифровых региональных платформ. В настоящее время функционирование электронного правительства лишь частично организовано в интернет-порталах, т. е. сложных электронных средствах, обеспечивающих реализацию ряда государственных функций и услуг для граждан. Интернет-порталы обеспечивают поиск и сбор информации, взаимодействие граждан и организаций с органами государственной власти, мероприятия для граждан и организаций, оказание государственных услуг. Интернет-платформы представляют собой более сложные электронные инструменты, которые предоставляют не только услуги, но и участие граждан в выборе государственных услуг и влияют на процесс принятия решений. Если использовать прямое значение концепции платформы как набора ИКТ 2.0, ориентированного на использование системы веб-приложений на одном сервере для интерактивности и личного участия, современное государственное управление включает такие технологии под лозунгом развития «способности к сотрудничеству». В этом смысле электронные платформы являются открытым и техническим средством гармонизации взаимоотношений в системе публичного управления (таблица).

Региональные платформы совместного управления в России (2021 г., в среднем за месяц)*

Название платформы	Посещаемость в день, чел.	Количество просмотров в день	Число страниц на один просмотр	Среднее время на платформе, проведенное пользователем
Город идей (Москва) <i>crowd.mos.ru</i>	52 800	212 000	5,82	8,2
Активный гражданин (Москва) <i>ag.mos.ru</i>	43 700	317 000	7,25	4,44
Управляем вместе (Пермский край) <i>vmeste.permkrai.ru</i>	9790	39 200	4,30	6,18
Наш Санкт-Петербург (Санкт-Петербург) <i>gorod.gov.spb.ru</i>	4460	49 600	2,0	2,44
Народная экспертиза (Белгородская область) <i>narod-expert.ru</i>	130	510	2,0	–
Решаем вместе (Ярославская область) <i>reshaem.vmeste76.ru</i>	70	260	–	–

* Данные получены с платформ Alexa.com и Pr-Sy.ru

Государственная программа «Информационное общество», утвержденная Постановлением Правительства Российской Федерации от 31 марта 2020 г. № 386-20 в подпрограмме «Информационное государство», определяет цель «повышения эффективности государственного управления, взаимодействия органов государственной (муниципальной) власти, граждан и бизнеса на основе использования информационно-телекоммуникационных технологий». Первая редакция программы, принятая в 2010 г., стимулировала использование информационно-коммуникационных технологий в регионах для организации связи с населением. Региональные органы государственной власти стали создавать различные сайты и платформы для реализации целей программы. К 2020 г. в России действовало более 200 различных региональных коммуникационных платформ. В целом они разделяются на четыре основных группы [19, с. 136–139]: 1) платформы (разделы сайтов, страницы) обращений граждан в органы власти и местного самоуправления; 2) порталы городских (региональных) проблем; 3) порталы оценки гражданских инициатив; 4) порталы/платформы общественного участия. Именно последние не только обеспечивают выявление региональных общественных проблем, но и нацелены на участие граждан в их решении. Как видно из таблицы, наиболее активно работают в этом отношении платформы Москвы, Санкт-Петербурга и Пермского края, где ежедневное обращение граждан к платформам достаточно высокое, наблюдаются хорошие показатели просмотра страниц и среднего времени, проведенного пользователем на сайте. Вместе с тем ясно, что в соотношении с количеством населения, проживающего в соответствующих регионах, обращение на данные платформы совместного управления со стороны граждан небольшое. В целом

по России наблюдаются весьма низкие показатели общественно-политического участия через платформы. При 76,9 % населения, имеющего доступ в Интернет в России 2019 г., только 4,0 % приняли участие в онлайн-голосовании или консультациях по общественным и политическим проблемам, а опубликовали мнения по общественным и политическим проблемам через веб-сайты или участвовали в форумах только 2,2 % [20, с. 72–73].

Важным выступает не только количественное вовлечение граждан в формирование публичной повестки дня, в обсуждение проблем и голосование, но и качественные характеристики диалога граждан и их ассоциаций с органами публичной власти. В этом отношении делиберативный характер публичной дискуссии обеспечивает выявление общественных проблем и их связи с индивидуальными предпочтениями граждан. Наше исследование 2020 г. характера коммуникации на наиболее активных цифровых региональных платформах совместного управления демонстрирует проблему, которая связана как с технологическими параметрами доступности платформ, так и с ориентацией их создателей. Так, делиберативные суждения составляли 65,61 % для платформы «Город идей» (Москва), 16,1 % для «Наш Санкт-Петербург» (Санкт-Петербург) и 27,96 % для «Управляем вместе» (Пермский край) [19, с. 220–221]. Остальные суждения характеризовались чисто информационным содержанием. Относительно высокие показатели платформы «Город идей» свидетельствуют о том, что данная платформа наиболее приспособлена для реализации совместного управления.

Следует заметить также, что опосредованный характер платформенной коммуникации порождает ряд деструкций, которые связаны с деформациями как публичного онлайн-пространства, так и самого

когнитивного процесса порождения суждений. Последний выражается в том, что платформы превращаются в простые механизмы обнаружения информационных сигналов, порождающих желание простого информационного ответа без формирования потребности в диалоге и рассуждении. Отсюда в целом в цифровом коммуникационном пространстве наблюдается формирование разделенных множеств, приватизация публичного пространства, социальный надзор, конформизм и адаптация к господствующему мнению, политическая корректность, направляемая мобилизация и маркетизация производства политических суждений. Вызовы, порождаемые такой стратегией коммуникации, требуют ответов, которые смогли бы преодолеть чисто информационный характер коммуникационных запросов путем активизации дискурсивной, а не только информационной политики.

В заключение отметим, что конституционные нормы являются важными институциональными основаниями социальных и политических действий. Живая конституция обеспечивает условия определенного порядка для конструирования публичной власти и ее взаимоотношений с гражданами. Ее политико-нормативная лексика выполняет важные стимулирующие и ориентационные функции. В этой связи включение в российскую конституцию понятия «публичная власть» значимо не только для единой системы государственной и муниципальной власти, но и для ее открытости публичному пространству взаимодействия с гражданами. Социальное партнерство, сотрудничество и совместное публичное управление являются адекватным отражением публичного характера власти. В совокупности с экономическими (уровень жизни и свободного времени), социальными (отсутствие бедности и социальная справедливость), политическими (свобода выбора и способность формирования публичных ценностей) и технологическими (цифровая коммуникация и участие) принципами и условиями публичный характер организации власти способен обеспечить устойчивую публичную управляемость в сложных и неопределенных контекстах.

Гарантиями, позволяющими обеспечить ее для союза граждан в современном государстве, выступают ряд условий и механизмов, представленных современным развитием. Радикальной формой борьбы с упрощением власти как контроля сверху выступает сама цифровизация с ее возможностями создания цифровых программ с использованием криптографических протоколов. Важным средством противостояния контролю является его ограничение правом – совокупностью нормативных институтов, регулирующих физическое и социальное пространство использования контроля и правовой надзор над ним, формированием цифровых прав человека, обеспечи-

вающих его свободу, приватность и деятельность. Нельзя не отметить и то, что в современных условиях открытость политического пространства власти сопровождается формированием системы возможностей для прямой демократии. Цифровизация позволяет восстановить прямые формы активности в условиях ограниченности политической репрезентации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Warren M.* Governance-driven democratization / M. Warren // *Critical Policy Studies*. – 2009. – Vol. 3, № 1. – P. 3–13.
2. *Ansell C.* Collaborative Governance in Theory and Practice / C. Ansell, A. Gash // *Journal of Public Administration Research and Theory*. – 2008. – Vol. 18, № 4. – P. 543–571.
3. *Walker P.* Participatory governance : towards a strategic model / P. Walker, P. Shannon // *Community Development Journal*. – 2011. – Vol. 46, № 2. – P. ii63–ii82.
4. *Bell St.* The governance of public affairs / St. Bell, A. Hindmoor // *Journal of Public Affairs*. – 2009. – Vol. 9, № 2. – P. 149–159.
5. *King C.* Building capacity to engage : Community or government engagement? / C. King, M. Cruickshank // *Community Development Journal*. – 2012. – Vol. 47, № 1. – P. 5–28.
6. *Kernagan K.* Moving towards integrated public governance : improving service delivery through community engagement / K. Kernagan // *International Review of Administrative Sciences*. – 2009. – Vol. 75, № 2. – P. 239–254.
7. *Никовская Л. И.* Гражданское участие : особенности дискурса и тенденции реального развития / Л. И. Никовская, И. А. Скалабан // *Полис. Политические исследования*. – 2017. – № 6. – С. 43–60.
8. *Петухов В. В.* Гражданское участие в современной России : взаимодействие политических и социальных практик / В. В. Петухов // *Социологические исследования*. – 2019. – № 12. – С. 3–14.
9. *Калинина А. В.* Краудсорсинг как инструмент вовлечения гражданских инициатив в процессы демократизации власти в РФ / А. В. Калинина // *Академический вестник*. – 2012. – № 4 (22). – С. 17–24.
10. *Перезолова А. С.* Практики гражданского вовлечения в публичную политику и опыт управления гражданскими инициативами / А. С. Перезолова // *Вопросы управления*. – 2015. – № 5 (36). – С. 25–31.
11. *Якимец В. Н.* Гражданское участие, межсекторное партнерство и интернет-технологии публичной политики / В. Н. Якимец, Л. И. Никовская // *Социальные и гуманитарные знания*. – 2019. – Т. 5, № 3. – С. 208–223.
12. *Глухова А. В.* Гражданский диалог как механизм формирования публичной политики : современные тенденции и проблемы России / А. В. Глухова // *Управление публичной политикой : монография* / под ред. Л. В. Сморгунова. – М. : Аспект Пресс, 2015. – С. 266–282.

13. Давлетшина А. Э. Партиципаторное бюджетирование как практика партиципаторного управления / А. Э. Давлетшина // Оригинальные исследования. – 2020. – Т. 10, № 6. – С. 274–280.

14. Электронное участие : концептуализация и практика реализации в России : монография / под ред. А. В. Чугунова, О. Г. Филатовой. – СПб. : Алетейя, 2020. – 254 с.

15. Сотрудничество в публичной политике и управлении / под ред. Л. В. Сморгунова. – СПб. : Изд. С.-Петербур. ун-та, 2018. – 274 с.

16. *Fung A. Deepening Democracy : Innovations in Empowered Participatory Governance* / A. Fung, E. O. Wright // *Politics and Society*. – 2001. – Vol. 29, № 1. – P. 5–41.

17. *Kim S. The workings of collaborative governance* / S. Kim // *Urban Studies*. – 2016. – Vol. 53, № 16. – P. 3547–3565.

18. *McDougall C. Social capital, conflict, and adaptive collaborative governance : exploring the dialectic* / C. McDougall, M. R. Banjade // *Ecology and Society*. – 2015. – Vol. 20, № 1. – 44 p.

19. Аутсорсинг политических суждений : проблемы коммуникации на цифровых платформах / под ред. Л. В. Сморгунова. – М. : Политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2021. – 310 с.

20. Информационное общество в Российской Федерации. 2020 : статистический сборник / Федеральная служба государственной статистики ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : НИУ ВШЭ, 2020. – 267 с.

Санкт-Петербургский государственный университет

Сморгунов Л. В., доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой политического управления

E-mail: l.smorgunov@spbu.ru

*St. Petersburg State University
Smorgunov L. V., Doctor of Philosophical Sciences,
Professor, Head of the Political Governance Department
E-mail: l.smorgunov@spbu.ru*